

Дельфин

Мальчик пристально наблюдал за небольшим корабликом, который напористо шел по реке. Тупым носом и низкой осадкой он больше всего напоминал буксир. Не такой, какие обычно ворачают в портах океанские лайнеры, а более скромный, речной.

Однако маленький силач с желтой рубкой и серым бортом, увешанный всяческими шинами и прочим необходимым такелажем, весьма эффектно выглядел среди солнечных бликов на серо-свинцовой воде.

Вместе со своим дядей, профессором каких-то там наук, о которых не подозревал в силу своего возраста, мальчик стоял на берегу Москвы-реки недалеко от метромоста на Воробьевых Горах. Высокая набережная, забранная камнем, начиналась ближе к мосту, а здесь можно было подойти к самой воде.

Профессор, заметив, как вдоль по берегу катится большая волна, подозвал племянника к себе. И вовремя, потому что холодная по весеннему времени вода обильно захлестнула то место, где стоял мальчик.

Недалеко от них, как раз в том месте, где еще не поднимался гранитный парапет, сидел рыбак, который никак не ожидал такой волны, ибо обычные баржи и прочие суда такой не давали. Сейчас и навигация была не такой активной, поскольку май только вступил в свои права.

Рыбак едва успел вскочить, а накатившая волна смыла ведерко с небогатым уловом и складной алюминиевый стульчик.

Шлепая сапогами по воде, рыболов собрал снасти и, чертыхнувшись в адрес речного флота, удалился.

Профессор с превосходством мудрого человека посмотрел на племянника, назидательно погрозил ему пальцем и разрешил снова подойти к воде.

Когда мальчик убежал, он достал из большой кожаной сумки с ноутбуком бутылку пива.

— Последняя, — со вздохом сказал он сам себе и откупорил ее. Яркое весеннее солнце играло в зеленых боках.

Пиво было еще прохладным, профессор жадно пил. Пресытившись первыми глотками, он достал пакетик острых сухариков, вскрыл его, закусил и пошел к племяннику.

Тот показывал пальцем куда-то на воду и говорил:

— Дядя! Вон, посмотри.

Сначала не было видно ничего. Потом подслеповатый профессор поставил бутылку на землю, приложил ладонь козырьком, дабы прикрыть глаза от солнечных бликов, и увидел.

В реке резвился дельфин.

Профессор, было, решил, что это третья бутылка пива дает о себе знать, а в реке плавают мусор. Однако мусор никак не желал тонуть, а однажды высоко выпрыгнул и будто бы даже завис в воздухе на мгновение, показав белое брюхо, плавники и хвост.

— Ты это видел? — Спросил профессор. Хотя ответ его мало интересовал. Его интересовало, откуда бы взяться дельфину в Москве-реке, да еще и в начале мая.

Тем временем дельфин подплыл к стоящим на берегу людям. Маневрируя хвостом, встал на дыбы, размахивая передними плавниками.

Профессор отчего-то спросил:

— Сухарик хочешь?

— На фига мне твой сухарик? — Вопросом на вопрос ответил дельфин.

Профессор возмущенно бросил пакетик на землю и спросил, на этот раз обращаясь к мальчику:

— Ты это слышал? — Хотя ответ его мало интересовал. Его интересовало, откуда бы в мае в Москве-реке взяться говорящему дельфину.

Он дал племяннику денег на метро и отправил домой, предварительно заручившись обещанием последнего, что тот никому не проболтается о том, что видел. Племянник послушно отправился к станции и действительно укатил домой, так никому и не поведав о случившемся.

Профессор же, приказав дельфину никуда не уплывать, достал мобильный телефон.

Прошло много лет.

Профессор вышел из Большого лабораторного здания. С тех пор как он стал главой научного центра по исследованию возможностей разума различных млекопитающих, в том числе, дельфинов, его дела пошли в гору.

Правительства как столичного, так и федерального уровня, да и не только они, выделяли колоссальные суммы на развитие исследований центра.

Сначала сотрудники и лаборатории ютились в ветхих корпусах с устаревшим оборудованием. Однако вскоре недалеко от окружной дороги, в одном из самых живописных мест построили центр. Здания из стекла и бетона, с зимними садами, газонами и парком, огороженные забором и хорошо охраняемые, возвели за считанные месяцы. Поставили новейшее оборудование, собрали приличную библиотеку. Со всех концов света переманивали видных специалистов. Хотя те и так считали большой честью поработать с профессором.

Профессор открыл дверь своего черного, полностью затонированного «Рейнджровера», сел в мягкое кресло, обтянутое кожей цвета кофе с молоком. Положил на заднее сиденье дорожную черную папку со своими бумагами, а также отчетами и описаниями достигнутых результатов. И плавно выехал с ярко освещенной ночной стоянки по направлению к дому.

По дороге он размышлял о том, как бы привлечь на свою сторону тех-то и тех-то коллег, которые работают в смежных отраслях науки и могут значительно помочь ему в развитии теоретических построений.

Конечно, главным фактором привлечения он считал не возможность работать с собственной персоной, не материально-техническую базу центра, а денежное вознаграждение. При особом желании вопросы финансирования он мог обсуждать непосредственно с Премьером или его заместителями.

Погруженный в эти и другие мысли, он добрался до высокого кирпичного дома на одном из больших проспектов столицы, заехал в подземный гараж и заглушил двигатель. Взяв папку с заднего сиденья, вылез из машины и нажал кнопку на ключе.

«Рейнджровер» жалобно пискнул на прощанье, и в этот момент в гараже погас свет. Моментально вспыхнуло аварийное освещение, настолько тусклое, что профессор еле-еле различил невдалеке черные фигуры, которые двигались в его сторону.

Прижав папку к груди, он рванулся туда, где, как он помнил, был аварийный выход. Шаги за спиной участились. Обернувшись, он увидел, как за ним бегут три человека, одетые во все черное: туфли, брюки, свитера и кожаные куртки.

Длинное пальто, ботинки, совсем не предназначенные для спорта — все это мешало бежать. Профессор ускорился, как только мог. «Не зря ведь хожу в тренажерный зал», — подумалось ему.

Дверь оказалась незапертой. Однако, толкая ее, он почувствовал хватку невидимой руки. Чудесным образом ученый вырвался, тут же осознав, что руке незнакомца достался хлястик от его пальто.

Тем временем он выскочил на улицу и быстро помчался к соседнему дому, извергая на морозный воздух горячий пар дыхания. Профессор надеялся добежать до ближайшего подъезда, в котором жили его знакомые.

Однако уйти от погони не удалось. У заветной двери его настигли двое преследователей и, что называется, «зажали в коробочку», обхватив под локти.

Третий, как оказалось, самый толстый и неуклюжий, добежал последним. В сердцах отбросил в сторону хлястик, который все это время был у него в руке и освободившейся дланью слегка, но весьма поучительно, двинул беглецу под дых. Видимо, за то, что доставил лишние хлопоты.

Затем несчастного ученого отвели обратно в гараж, усадили в огромный черный «БМВ» и, шелестя зимними шинами, выехали на улицу.

Аварийный свет погас, и в гараже зажглось обычное освещение.

Прошло несколько часов.

Я выбрался на проспект и довольно быстро дошел до места происшествия. Именно дошел, потому что нас наотрез отказывались снабжать служебным автотранспортом. С водителем или без — разницы не было.

Дурдом, конечно. Я охотно подписывал коллективные петиции, часто ругался с начальством. Которое, впрочем, само ездило на личных авто и ничего не могло поделать. Цирк. А еще считается, что мы — особо важное, почти секретное учреждение.

Как бы то ни было, добрался я быстро.

— Мишка! Давно тебя ждем! — Сказал мне знакомый опер, пока я осматривался у подъезда. Я кивнул.

— Что тут?

— Следов никаких. Улика есть, но только одна, — с этими словами он протянул мне оторванный хлястик от пальто.

— И только? — Невесело ухмыльнувшись, поинтересовался я. — Свидетели?

— Есть! Есть свидетели! Знакомые похищенного. Случайно видели в окно, как он бежал к двери, но его догнали трое в черном, пару раз пнули и увели.

— Показания! — Коротко бросил я, чувствуя подступающий азарт.

Мне протянули лист, исписанный мелким, но весьма разборчивым почерком. Даже почти каллиграфическим. Явно интеллигентским.

Я отошел в сторону, чтобы никому не мешать, два раза прочитал показания, вернул бумагу.

Хотел, было, спросить, кто давал эти показания, но тут невдалеке заметил своего начальника. Он поманил меня рукой и сел в свой личный автотранспорт. Я уселся рядом, и мы отъехали за угол дома, где почти не было света. Обычно он не совался напоказ, старался держаться поодаль и как бы в тени.

— Успел сориентироваться?

— Так точно.

— Тогда вот тебе адрес. Езжай туда. Мы уже получили информацию о том, что сегодня в два ноль-ноль там появится человек, участвовавший в похищении. Считай его «языком». Бери и вези к нам.

— Быстро работаете, — сказал я, впрочем, не удивляясь оперативности. Каналы, по которым мы получаем информацию, работают быстрее и надежнее, чем у некоторых спецслужб.

Я вылез из машины на мороз и отправился обратно в сторону проспекта. На остановке стал ловить машину. Наконец остановилась девушка на стареньком «Пежо-307».

«Экая смелая барышня», — подумалось мне. Я точно знал, что доверия не внушаю. Странно, что она вообще остановилась. Хотя она могла просто сжалиться, решив, что я уже давно тут мерзну.

Я назвал адрес. Девушка кивнула и я сел. На всякий случай представился по форме, показал удостоверение и дал понять, что катаюсь не просто так. Она, было, рванула с места, но я сообщил ей, что никуда не спешу:

— Езжайте спокойно, как будто отправляетесь в магазин. У меня времени вагон.

Девушка все поняла правильно, поехала плавно. Машину вела здорово, уверенно, ловко маневрировала, умудряясь при этом никому не мешать. Она оказалась очень общительной, рассказывала о работе, часто смеялась. Поделилась мыслями о том, куда собирается ехать на Новый год.

Со временем мы добрались до нужного мне места. Я по привычке полез во внутренний карман куртки, но она остановила меня жестом руки:

— Да бросьте вы, я же вам помогла по работе. И живу недалеко.

— Хорошо, — я улыбнулся. — Просто знайте, что вы сделали доброе дело. Мой дядя, профессор, попал в беду, и мне по долгу службы выпало его спасать.

Заметив ее испуганный взгляд, я пояснил как можно спокойнее:

— Не волнуйтесь, он цел и невредим. В общем, спасибо вам огромное.

Я вылез из машины, подумал немного и, заглянув в еще не закрытую дверь, сказал:

— Давайте завтра встретимся, выпьем кофе.